Он всегда полагал, что может рассчитывать на себя и на своих друзей. И вот теперь есть причины усомниться в себе… да и в друзьях. Гарри сам толком не знал, откуда это взялось – возможно, осталось как бы в наследство от того незваного гостя. Он, вроде бы, говорил Серене, что после ухода он не оставит в нем никаких своих следов, но кто его знает. Ибо с тех самых пор его не оставляли вопросы, которые прежде бы и в голову не пришли. «Правильно ли это, что в начале Турнира Трех Волшебников Рон обвинял его во всех смертных грехах, но стоило ему прозреть, как он его тут же простил?» «Столь ли случайна была его встреча с семьей Уизли? Зная Хагрида четыре года – нет ничего удивительного в том, что великан не подумал рассказать, где платформа. Но не странно ли, что миссис Уизли, отправившая в Хогвартс до этого уже пятерых сыновей, задавалась вопросом о номере платформы, и громко жаловалась миру на обилие маглов?» Или вот еще: «кому пришла в голову идея дать тринадцатилетней девочке Маховик Времени – крайне ценный и опасный артефакт – для того, чтобы она могла впихивать два учебных дня в один?» Ну и если уж пошли по этой тропинке, то: «что такого большого и тяжелого упало Дамблдору на голову, что мысль прятать Философский Камень – этакий магнит, заточенный на Темных Лордов и прочих неприятных личностей – в школе, полной детей?» Да и защита была… подозрительная.

И вот теперь эти вопросы казались весьма уместными, а вот хороших ответов было маловато. И, что еще хуже, его друзья выглядели еще менее достойно в свете самых последних событий. Он снова оказался заперт на Тисовой улице. Дурсли… ну, Дурсли были такими же, как и всегда, может, даже получше, по крайней мере, в этот раз ему не угрожала перспектива питаться одной морковью и грейпфрутами. И они оставили его в покое, даже не стали отбирать его вещи. Но вот в остальном… поначалу он был почти столь же отрезан от мира, как это было перед вторым курсом. Нет, письма от друзей приходили по два-три раза в неделю, но ничего хоть сколько-нибудь стоящего в них не было. Они сводились примерно к следующему: «Гарри, у нас все хорошо, но большего сказать мы не можем. Мы в безопасности, но не можем сказать, где. Никаких подробностей о том, что происходит, сказать также не можем, но ты не волнуйся, все в порядке, и веди себя тихо. Письма могут перехватываться. Оставайся там, где ты есть…» Вот примерно и все.

Гарри уже был готов на стенку лезть, когда к нему пробилась Серена, от которой вообще было ни слуху, ни духу. И оказалось, что вот ее письма кто-то как раз перехватывал, и – как бы ни хотел Гарри думать обратное – в Волдеморта или там Министерство верилось с трудом. Но потом она сделала то, о чем никто другой, очевидно, не додумался. Она позвонила ему по телефону. И, в отличие от Рона, который своими воплями из трубки сумел бы разозлить даже куда более спокойного и непредвзятого человека, чем дядя Вернон, она каким-то образом сумела не только упросить дядюшку передать ему трубку, но и вообще, произвести приятное впечатление. От нее ему наконец удалось выяснить, что же в мире творится – как он клял себя, что не подумал подписаться на Ежедневный Пророк. Как выяснилось, ничего особого и правда не происходит. Тишь да гладь, пятеро волшебников и одна ведьма, нашедших свою смерть в день окончания Турнира – все как один, представители благородных семейств, хоть и второго звена – считаются жертвами все тех же двух безумцев: Барти-младшего и Сириуса. Вопрос: «почему Сириуса все еще преследуют, когда тот непойми-кто добыл тело Питера – неопровержимую улику», также преследовал Гарри.

Но, что ранило сильнее всего, это не тот факт, что Дамблдор – больше вроде некому – устроил ему блокаду. Нет, горько было то, что пробить ее было так просто – Серена всегда признавала, что хитроумие или там изобретательность не ее сильные стороны. И тем не менее, она хотела с ним пообщаться, и нашла способ. Просто потому, что захотела, и еще обещала вскорости лично его навестить. А что это говорит о его друзьях?

Гарри помотал головой, прогоняя прочь эти мысли. «Не спеши так!» - строго сказал он самому

себе. – «Вспомни три года назад, кто прилетел за тобой на фордике?!» В самом деле, не стоит всех вот так сразу судить.

Ну а пока ему оставалось только сидеть тут и ждать. В конце концов, пока это время у Дурслей было не таким уж и плохим.

****

Все было почти как в старые добрые времена. Все впятером они собрались у нее дома, чтобы обсудить свои тайные дела, вместе заняться домашней работой, ну и просто посплетничать – как подруги. Лита прибыла раньше других, с двумя огромными сумками, набитыми всякой снедью, и где-то на час окупировала кухню, выставив оттуда даже опешивших от такого домовиков. Так что всяких закускок им хватит надолго, какой бы обжорой ни была Серена. Амели явилась на встречу с полной сумкой учебников, плюс еще пару книг для «легкого чтения» прихватила. Мина беззаботно щебетала, прежде всего о Седрике, с которым она переписывалась почти ежедневно – вернувшийся с того света юноша, ничего, собственно, в произошедшем с ним не понял. Артемис устроился на подоконнике и явно нацелился вздремнуть, в то время как Луна взирала на них с высоты шкафа, всем своим видом показывая, как ей хочется зашипеть и заставить всех заниматься делом. Ну а Серена, конечно же, явилась последней, хотя и – бывают в жизни чудеса – без опоздания…

Были, конечно, и различия – все они расположились в мягких креслах или на диване. Сама Рая недавно разок попробовала посидеть по-японски: ноги очень скоро затекли страшно. Манера сидеть, которая когда-то… совсем недавно, или же в другой жизни – кто тут разберет - была привычной и обыденной, теперь казалась сущей пыткой. Ну а Серена пока не совершила ни единого покушения на ее мангу… наверное, от того, что ее пока и не было – со всей этой нервотрепкой, да еще маминым разводом и переездом, было решительно не до этого…

- Ладно, девочки, думаю, стоит перейти к основной теме, к этому Темному Лорду… – голос Серены поднялся над веселым перетолком подруг.

И сразу все стихло: пять пар глаз – четыре пары человечьих и одна кошачья, ибо Артемис и правда заснул на солнышке – скрестились на ней. У Раи мелькнуло даже некое подобие священного ужаса: «Чтобы сама Булкоголовая призывала нас к порядку, вместо того чтобы сладостно сплетничать и жевать всякие вкусности?! Куда катится этот мир…» Впрочем, Рая прекрасно отдавала себе отчет в том, что рассеяная плакса, которую встретила в святилище Хино Рей, изменилась. Случилось это после того, как принцесса Серенити была найдена… Нет, дело было отнюдь не в том, что в Усаги тогда вдруг пробудились какие-то черты Серенити. Просто… просто у нее наконец появились настоящие, личные причины сражаться. В те дни она, конечно же, продолжала временами реветь, горстями есть сладости и тырить ее мангу при каждом удобном случае – но это было уже иначе, как если бы она пыталась скрыть эти изменения… от самой себя. И Рей точно так же критиковала ее за все и вся, звала «Булкоголовой» - это была ее манера поддержать своего лидера. Лидера, которым она для них тогда действительно стала. Лидера, за которым можно последовать хоть в ад, за кого не страшно и умереть…

http://tl.rulate.ru/book/53484/1380948